

ЛЕВ КЛИОТ

САТИСФАКЦИЯ

СОРЕН ИЗДАТЕЛЬСТВО
2016

12+

Лев Клиот

Сатисфакция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45248629

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9037-8

Аннотация

Герой повести, успешный бизнесмен, неожиданно для себя становится членом организации «Сатисфакция», предложившей остроумный способ решения любых споров. Сильные мира сего – бизнесмены и политики, – чтобы определить победителя, играют в военную игру – страйкбол, – в войну, в которой никому не суждено погибнуть. Игра достигает в своем развитии неслыханного размаха и совершенно неожиданным образом воздействует на взаимоотношения власти и народа, на осознание людьми своих прав, на достижение справедливости, лишенной лицемерия правящих элит...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1

Двести пятьдесят тысяч долларов на депозите зависли так же, как и партия солнечных очков на складе в Гуанчжоу. Параметры линз в инвойсе производителя не соответствовали новым европейским требованиям, и на таможне по этим документам их категорически отказались принимать.

С мистером Ю, моим давним партнером, мы работали более 15 лет, и к какому-то компромиссу, я уверен, смогли бы прийти. Но он передал дело сыну, молодому парню, окончившему Йельский университет, – амбициозному и прагматичному мистеру Ли.

В общем, хрен договоришься. Прагматичный китаец – это безнадежно.

Если к середине июля вопрос не решится, я теряю двести пятьдесят штук и рынок. Эстонский конкурент «Сан-Кайтс» давно рвется на мое место в прибалтийских сетях – и вот он, их звездный час. Тыну Лаакс – замечательный парень, но если бы он, скажем, подавился косточкой от вишни, я не долго бы горевал. Это во мне холодное бешенство злобствует от глупой безысходной ситуации. Пусть Тыну живет, черт с ним, но мне-то что делать? Ходить по офису? Об стенку головой стучать? Персонал пугать? И так все глаз не поднимают. Но их винить не за что. Европа издала новые регулы, как раз в промежутке между заказом и исполнением. Чиновни-

чь безнаказанная инициатива, непробиваемая стена неприкасаемых.

На экране – невозмутимое круглое лицо одного из полутора миллиардов жителей Поднебесной.

– Хэллоу, мистер Ли!

Он хозяин положения, он может скинуть очки тем, кого новые евростандарты не касаются. Ну, потеряет он процентов тридцать, а двести пятьдесят тысяч моих кровных останутся в банке навечно. Для меня этот месяц и есть вечность. Еще год назад я мог бы выкрутиться, но не сейчас, когда в России и на Украине благодаря геополитике все рухнуло, и такая сумма может стать фатальной.

Слушаю мистера Ли. У него хороший английский. Он и сам весь хороший: голубая рубашка, свежий вид, как будто только что из спа-салона, из парикмахерской, из бассейна, с лыжного склона. Да, так о чем он?

Мой английский работает с задержкой. «Дуэль... *Satisfaction...*» Что он несет? Хоть бы улыбнулся. А то так серьезен, и что-то про дуэль. Ли, погоди. Не так быстро: может, в мэйле напишешь – и я разберу, о чем ты.

Это игра какая-то? Ты об этом? Мне, понимаешь, как-то хотелось бы деньги вернуть. Пусть не все, пусть процентов восемьдесят, – и решим вопрос. Я ведь собираюсь продолжать с тобой бизнес, а бумаги на следующую партию оформим уже правильно.

В общем, я мямлю сто раз повторенную мантру, а он сно-

ва: дуэль по контракту, какая-то лабуда, не могу вникнуть. И вдруг говорит: тогда все верну, и возникшие издержки тоже. Стоп, мистер Ли! С этого места не могли бы вы повторить? Игра-дуэль! Он хочет со мной поиграть, подраться, постреляться? На мои деньги? Он умный, крепкий, молодой, весь как кожаный ремешок. Сразу вспомнился рассказ времен Второй мировой. На острове Окинава японский офицер-самурай дал американскому пленному меч, заставил его вступить с ним в бой и, конечно, превратил несчастного в ровно нарезанный рулет.

В общем, дышу животом, успокаиваюсь и прошу повторить медленно еще раз. Ли ровным тоном, не сбиваясь ни на одном слове, повторяет предложение. Он является членом клуба «Сатисфакция», он большой патриот этого клуба, он стоял у истоков создания этого клуба, и он приглашает меня вступить в этот клуб всего за тридцать тысяч долларов. Я мысленно проговорил несколько фраз, состоящих из строго ненормативной лексики, стараясь сохранить на лице достойную невозмутимость. Я ведь тоже, черт возьми, крутой бизнесмен, и тут со мной ведут речь о вступлении в какой-то важный, видимо, клуб, за тридцать, мать их, тысяч зеленых.

Короче, дальше было непонятно: что-то вроде бойцовского клуба, в котором решают проблемы бескровным способом. Видимо, он разглядел за предыдущие наши беседы на этом моем «невозмутимом» лице отблески кровавого апокалипсиса. В общем, я попросил его прислать подробное опи-

сание этого предложения.

Глава 2

Китайский день подходил к концу, а наш, европейский, был в самом разгаре. Я поговорил с главбухом и директором о хитрых способах оплатить долги в двадцатку тремя тысячами.

– Сокращайте расходы, – это я высказываю «умную» мысль.

– Да и так все на минимумах, – заученно печалится Людмила Михайловна, элегантная пожилая дама-главбух, проработавшая у меня все лучшие, в ее понимании, годы. Надя, директор, в подтверждение разводит руками.

Не согласиться с ними не могу, как говорится: «И вы правы, и вы правы». В общем, все правы, все большие специалисты, но, черт возьми, где деньги? Обе поднимают на меня печальный взор, в котором чудится ответ, что-то вроде: «Деньги наши у китайца, а не отрезать ли ему...?», – и это интеллигентнейшие дамы! Испортил бывших инженеров-строителей, переквалифицировавшихся в период крушения империи в моих сотрудников, не воландовский квартирный, а просто вопрос: как дальше жить? Впрочем, я высокомерно полагаю, что жить они стали вполне прилично благодаря мне, приютившему бесхозных инженеров на руководящих должностях в нашей небольшой, но надежной – до недавнего времени – компании.

Звонит Ирина, моя жена и по совместительству «служанка» высокородной сучки по имени Оливия Блэк Шерри, в простонародье – Катьки, нашего «боевого йорка». Катька заболела, и надо везти ее к ветеринару. Я нужен им в качестве некой устойчивой субстанции в перепуганном мире этой парочки. Катька – собачка маленькая, четырехкилограммовая, но она сумела своей мягкой лапкой крепко прихватить наши ставшие сентиментальными сердца. В общем, я иногда Ирке говорю: «Где бы эта хитрая собачка еще нашла себе такую рабыню, как ты?». Но, похоже, такая роль в их взаимоотношениях ей нравится.

Поехали к ветеринару. Катька спасалась от докторши как могла, перемещаясь по Ирине с рук на плечи, предполагая в результате оказаться у нее на голове. Но все-таки нашему доктору удалось поставить зверьку пару уколов. Вернулись к ужину.

Перед тем как усесться за стол, я подошел к компьютеру. Несмотря на позднюю ночь в Гуанчжоу, Ли прислал письмо. Есть резко расхотелось, на Ирину «остынет» согласился на холодное.

Итак, письмо... Если я выведу его на дисплей, какая перспектива откроется передо мной? Этот Ли – явно парень не промах. Если он собрался играть во что-то на четверть миллиона, сложно предположить, что он допускает возможность проигрыша. Он выигрывает, я подписываюсь о согласии безоговорочно купить товар. Он с деньгами и товаром, я без де-

нег и без товара. Что я могу противопоставить этой ситуации? Послать бойцов в Китай разобраться, как у нас в девяностые? Смешно. Обратиться в китайский суд – это то же, что обратиться к японской матери. Да и не за что Ли зацепить – все это в чистом виде форс-мажор. А игра, какой бы она ни была, – хоть мизерный, но шанс...

От глубоких философских размышлений меня отвлекла Катька. Собачка стояла за спиной, тактично похрюкивая, заявляя о своих, как она считает, законных претензиях. Я обернулся. Оливия тут же суетливо развернулась в сторону кухни, всеми своими ужимками, всеми движениями хвоста и лап напоминая человеческому тугодуму о невыполненном ритуале: раз пришел домой, насыпь чего-нибудь бедной собачонке в кормушку. Пытаясь игнорировать растолстевшего поросенка, отворачиваюсь к экрану. Тут зверь, отбросив всякую интеллигентность, присущую высокопородистому его происхождению, раздражается возмущенным воплем. Я абсолютно уверен, что Катька в такие моменты сообщает мне лаем и всей мультяшно-комической мимикой своей морды, что она обо мне думает: «Ты бессовестный, бессердечный, толстокожий и жадный представитель меркантильного ответвления земных приматов, жалеющий кинуть крошку со своего изобильного стола бескорыстно любящему, бесхитроственному и беспомощному созданию». Она ломает меня на раздва, и я иду откупаться парочкой собачьих конфет даже с некоторым облегчением. На минуту оторвусь от необходи-

мости решать. Это слово, это понятие – «решать», всю жизнь висит над нами, как... ладно, обойдемся без банальностей. Катька за секунду все смела, нагло потребовала добавки, но, почувствовав, что перегнула, скрылась под диваном.

Итак, давлю на мышкину клавишу. Передо мной – одна страница английского текста. Читаю раз и второй раз, на всякий случай пропускаю через онлайн-переводчик – нет, не ошибаюсь, все понял верно. На русском это звучит просто, да и по-английски незамысловато: «Я, ..., изъявляю желание вступить в клуб «Сатисфакция», для чего должен принести присягу, гарантирующую мое беспрекословное подчинение решению судейской коллегии, вынесенное по итогам боестолкновения, в рамках правил клуба. Для заключения контракта я должен прибыть в Нью-Йорк 15 июня, где по адресу: Парк-авеню, N ..., меня будут ждать с тридцатью тысячами долларов в чеках *American Express*».

Перечитав все это в третий раз, я издал непроизвольное хихиканье, привлекшее внимание моей жены. Она заглянула в кабинет, с заинтересованностью врача-психиатра – и, видимо, не зря. Потому что я, развернувшись всем корпусом навстречу ее вопрошающему взгляду, сообщил низким голосом, что лечу в американский город на Гудзоне.

Ира, моя верная спутница, пережила со мной немало кризисов. Сначала была подружкой непутевого курсанта, потом – женой уволенного офицера, прошла через нищету перестроечных скитаний. Никогда ничего не требовала и позво-

ляла мне быть таким, какой я есть. И в нынешние времена, живя на берегу синего моря, катаясь на синем «Кайене», она осталась отстраненной от соблазнов бомонда, символизируя собой скромное обаяние буржуазии. Слушая меня, она продолжала держать в руке любимую еду – свежепочищенную морковку, затем, не переставая ее потихоньку грызть, удалилась на кухню, не говоря ни слова. Это означало только одно: она понимает, что я влезаю в какую-то авантюру, и она это не одобряет, но останавливать меня бессмысленно, так как она меня знает, и т. д. Стоит прожить друг с другом столько лет, чтобы не нуждаться в многословных тирадах, а так по-особенному удалиться с морковкой в руке.

Глава 3

Нью-Йорк! Люблю этот город. После полутора десятков лет ежегодного трехнедельного пребывания в Штатах (неделя в Нью-Йорке, две – в Майами, для участия в совместном с американцами бизнесе) сложилась ситуация, которая нашу многолетнюю традицию прервала. Умер мой партнер Борис Коэн, основавший в свое время этот американский бизнес, и компания разделилась на восточную и западную, а позже и вовсе была перепродана.

Парк-авеню, отель «Doral», в котором я постоянно оставался. Улица, залитая утренним солнцем, словно свежавыжатым апельсином, клерки, направляющиеся в офисы с расстегнутыми воротничками голубых рубашек и перекинутыми через плечо галстуками. А уже вечером весь желто-таксичный Манхэттен отражается разноцветными огнями реклам в крутых боках желтых фордов».

Мне уютно в Нью-Йорке. Если бы мне пришлось по каким-то причинам поменять место жительства, Нью-Йорк был бы на первом месте.

Завтра – 15-е. Ожидание встречи с людьми, мне неизвестными, но способными повлиять на мою последующую историю, сродни ожиданию приговора.

Вечером иду в стейк-хаус на 43-й, между 2-й и 3-й авеню, – лучший ресторан этого жанра из тех, которые мне довелось посещать. Мы с партнером наведывались туда каждый мой приезд. Он был дружен с хозяином, пожилым ирландцем, которого можно было принять за бомжа – так скромно он выглядел и так я и подумал, увидев его впервые на входе в ресторан, где он стоял в серой толстовке и мятых джинсах. Тут меня ему и представили. Было бы забавно увидеть его хозяином в одном из московских супер-пуперов, с какой-нибудь ерундой в желе из устриц за 200 долларов.

Аромат жареного мяса, особенный привкус приправ в ресторанном воздухе, патина мебели пятидесятых и знакомое лицо пожилого официанта, расплывающееся в улыбке.

– Мистер Коэн! Здравствуйте, ваш столик как раз свободен.

Надо же, до чего приятно. Помнят! По дяде, конечно. Я посещал это место лет десять, а Борис – все пятьдесят.

Глава 4

Утром просыпаюсь в восемь часов, выхожу прогуляться по направлению к офису этого загадочного клуба. Почему-то ассоциативно крутится в голове «клуб самоубийц».

Адрес приводит к зданию, расположенному в двух кварталах от отеля. Небоскреб этажей в сорок выглядит престижным, впрочем, на Парк-авеню других и не бывает.

Завтракаю на сорок первой во французской кондитерской. Это место полюбилось нам с женой еще в прежние времена. Круассаны, французские булки, горячий шоколад, кофе – все как прежде: от запахов до посетителей, годами встречающихся здесь и тихо беседующих за чашкой утреннего кофе. Устоявшаяся уютная жизнь – и все это в центре бушующего, стремительного города.

В 9:15 поднимаюсь на 22-й этаж небоскреба и сообщаю в переговорное устройство свое имя. Отъезжает, освобождая вход, дверь из толстого стекла. Офис, похоже, занимает весь этаж здания. В холле во всю стену ковер ручной работы, беж с голубым. В центре – стилизованный прицел и надпись сверху большими красными буквами: «SATISFACTION», ниже – помельче – черными: «*Hereticle*». Девушка проводит меня через огромное помещение со стеклянными перегородками и множеством людей за дисплеями компьютеров.

Комната для переговоров пуста. Длинный полированный

стол, дюжина кожаных кресел, на двух параллельных стенах – по три больших 60-70-дюймовых экрана. На столе вода со льдом, блокноты и ручки. Эти американцы — *ice and air conditioning*. В их офисах мне всегда было зябко, все время хотелось накинуть на себя куртку или плед. Но постепенно привыкаешь и уже сам заказываешь напитки со льдом.

Ожидание! Нервничать и бояться надоело, я свое отбоялся. Пережил немало: советско-русский бизнес, братки, менты, шпана. В меня и стреляли, и отстреливаться приходилось. Что они тут, живьем меня сожрут? Буду сопротивляться по мере сил, но мои попытки превратиться во льва под впечатлением от этого миллиардерского офиса с кучей работников, со всей этой атмосферой таинственности и необычности предложения, закончились превращением Лёвы в стайку разбегающихся мышек – и мышки эти едва смогли увернуться от вошедших в комнату трех мужчин. Черные костюмы, белые рубашки, красные галстуки, коричневые папки, лица – будто вчера с Карибского побережья.

Я и так невысокого роста, а тут... В общем, я сел, а они гордо заняли свои места.

* * *

Пока джентльмены раскрывали свои папки, которые оказались ноутбуками, я лихорадочно примеривался к камертону своего внутреннего настроения, и если в начале мне казалось,

что небрежно-насмешливая позиция будет верно отражать странность происходящего, то окружившая меня несколько минут назад реальность, равно как и эти господа, и весь их вид, круто развернули меня к будоражащему убеждению в том, что я оказался в нужном месте в нужное время – в этой золотой формуле джек-пота.

Первым представился и заговорил со мной сидевший напротив меня мистер Лукас Бейлин. Он заговорил на обычновенном русском языке и объяснил мне, что во главе стола сидит руководитель отдела ознакомления – мистер Харвард Браун, который введет меня в курс дела, и если у меня возникнут проблемы с языком, то Лукас окажет мне немедленную помощь.

Вторым сидящим напротив господином оказался юрист компании, мистер Джейсон Уильямс. Первое, что сказал на американском английском, абсолютно доступном моему пониманию, мистер Браун, – это чтобы я ни о чем не волновался и что все находящиеся в этой комнате представители клуба настроены ко мне в высшей степени дружелюбно и единственной своей целью ставят подробное ознакомление меня с тем предложением, которое я получил в сверхлаконичном виде. При этом я имею полное право принять решение о согласии или отказе от их предложения, и мои материальные затраты, связанные с посещением их клуба, в случае моего отказа будут немедленно мне возмещены. Одновременно юрист господин Уильямс попросил меня передать

ему документы и чеки *American Express* – как он тактично заметил, для ознакомления.

Все эти действия, голос Харварда Брауна и оказавшаяся мягкой, вопреки ожиданию, манера общения привели меня в хорошее расположение духа, и ушедшее напряжение освободило место все возрастающему интересу к тому, что произойдет в самые ближайшие часы.

– Мистер Коэн, – обратился ко мне Харвард Браун. – Начнем с того, что ваш пример возникшей проблемы не единичен. Напротив, такие часто повторяющиеся истории, как и иные ситуации, возникающие между людьми, объединяет зачастую один сюжет, их не способны разрешить существующие институты властных государственных структур. Это, в первую очередь, применимо к тем отношениям в человеческом обществе, которые стороны не желают решать сами в косных чиновничьих тисках, к которым во многих странах просто нет доверия, и в тех случаях, когда решением разногласий является не строгая и бездуховная буква государственного закона, а моральная составляющая. Та самая, с которой в былые годы ходили к батюшке или обращались к раввинскому суду, а мусульмане и в наши дни с той же целью пользуются шариатом. Но в прежние времена споры решались и еще одним способом, распространенным повсеместно и наиболее полно удовлетворявшим представлению о чести и достоинстве. Этот способ назывался сатисфакцией, или дуэлью. Насколько такой способ возможен в нынешнее время,

об этом и задумались создатели нашего клуба.

Лукас – его я первым стал называть по имени, – этот человек тридцати – тридцати пяти лет, оказался из троицы самым добродушным и легким в общении. Курносый, с широко расставленными серыми глазами, открытым лицом, он выражал готовность помочь мне в случае малейшей заминки в переводе того, о чем довольно быстро говорил мистер Браун, и то и дело вставлял в нить рассказа русские значения, как ему казалось, наиболее сложных оборотов и словосочетаний. И хотя я без труда вникал в суть разговора, вмешательство переводчика не мешало, и я был благодарен Лукасу за это желание помочь.

– Три года назад, – продолжил Браун, – группа студентов Йельского университета на южной окраине Нью-Хейвена, у самого побережья, среди четырех акров заваленной мусором земли на заброшенной армейской базе, от которой осталось два складских ангара, основала старт-ап. Его цель звучала так: вывести решение всех видов споров между людьми, сообществами и любыми другими группами и структурами в новую парадигму. Ее сутью будет альтернатива существующим порядкам – дуэль, ее широкая трактовка с применением современных технологий и, разумеется, исключая летальный исход. За основу взяли существующие военные игры: страйкбол и пейнтбол. Сразу остановились на первом. Если говорить о максимальном приближении к реальности, то пейнтбол все-таки выглядит несколько шутовским – из-за

баллончиков с краской, растекающейся цветными кляксами по камуфляжу серьезных мужчин.

В страйкболе используется оружие, которое в основном изготавливают на заводах в Китае, на Тайване и в некоторых других странах. Но лучшее, элитное и дорогое, копии которого затем появляются и с китайскими логотипами, в основном, производят японские фирмы – «Sistema», «LayLaks», «Marushin». Это оружие практически неотлично от настоящего но использует, разумеется, не пули, но и не краску, а керамические шарики. Оно способно стрелять на расстояние до ста метров (при прицельной стрельбе – до пятидесяти-шестидесяти) шарами разного назначения: от тяжелых снайперских до трассирующих. В ходу все виды стрелкового оружия, а также минометы, гранатометы и множество позиций подобного рода. Однако главная проблема страйкбола состоит в том, что фиксация попадания в противника обеспечивается его честным словом. Для игры, сравнимой с любым другим спортивным состязанием, этого может быть вполне достаточно, а в случае, если кто-то решит стать «бессмертным», к нему применяется суд чести, и он может быть изгнан из сообщества. Для нашей задачи, в ходе выполнения которой могут решаться реальные вопросы жизни и смерти, вопросы материальных, имущественных, конфессиональных и других споров, из-за которых зачастую развязывались кровавые драмы и настоящие криминальные войны, нужна была система, которая давала бы стопроцентный, железобетон-

ный способ определения «попал – не попал».

Этот шарик может решить спор вокруг многомиллионной сделки, долга, человеческих измен, предательств, может помочь прийти к справедливости, которой до настоящего времени зачастую не получалось добиться ничем, кроме реального выстрела реальной пулей. В этом и была проблема. В группу, которая первоначально состояла из гуманитариев, привлекли технарей с физического и химического факультетов. Через два года были изготовлены костюм и состав для отливки шаров, которые перевели страйкбол с игрового на иной качественный уровень.

Ровным светом засветились экраны. На одном из них атлетически сложенный парень надевал на себя комбинезон из тонкой, но, видимо, очень плотной камуфляжной ткани серо-зеленого оттенка, покрытой еле заметным ворсом. В десяти метрах от него стоял автоматчик – кольнуло патриотическое: автомат Калашникова. Когда атлет закончил натягивать на себя костюм и принял свободную позу, автоматчик расстрелял его короткой очередью. Я вскочил со стула – мишень согнулась пополам, громко проорав по-английски что-то нецензурное. Троица, с явным наслаждением наблюдавшая за моей реакцией, расхохоталась. К этому времени эти «небожители» и сами, увлеченные описанием создания сатисфакции, в располовиненных костюмах, сбросив пиджаки на спинки кресел, с расстегнутыми воротами рубашек, превратились в нормальных пацанов. Атлет на экране выпря-

мился и сообщил оператору в камеру, что он, *fuck you*, в порядке, но, *fuck you*, больно, блин!

К полудню нам принесли сэндвичи, пиццу и кофе. К этому времени мне объяснили, как устроен костюм и как он взаимодействует с шариком. Если просто, то материал шара обладает химическими свойствами, благодаря которым при соприкосновении с усиками, выступающими из ткани костюма, возникает реакция, передающаяся на часть усика, расположенную на внутренней стороне ткани и представляющую собой подобие шляпки гвоздя. Активизация самой реакции происходит только при ударе определенной силы – это позволяет не иметь проблем при взятии этих боеприпасов в руки, их переноске и хранении. В момент попадания шарика в костюм реакция вызывает у человека ощущение, напоминающее реальную боль ранения. Достижение этого эффекта являлось одной из главных задач приближения боя к реальности. Второй задачей было осуществление контроля над поражением противника, и это решение было разработано фирмой «*Hereticle*» с использованием вживленных в ткань костюма датчиков, способных передавать электронный сигнал на дисплей, за которым в штабе игры наблюдали члены судейской коллегии. Они видели силуэт бойца и то место, в которое попал выстрел. Разработка этой системы была запатентована компанией «*Hereticle*», головной офис которой находился в Нью-Джерси и которая работала в тандеме с основным поставщиком оружия для стрейкбола в Японии.

Дополнительную сложность создавала необходимость решить вопрос с теми частями тела, которые были защищены бронежилетами. Для фиксации поражения в этом случае использовались ворсовые ловушки, которые реагировали только на шарики большей массы. Пришлось повозиться и с тем, что внутренние стволики и магазины ко всем видам оружия с внутренней стороны необходимо было гальванизировать нейтральным к химии шаров составом.

Итак, пока Харвард переходил от одного экрана к другому, Джейсон разливал кофе, Лукас дорезал недорезанную пиццу, а я слушал Харварда.

Гуляя по экрану, его указка перелистывала страницы истории «Сатисфакции». Лица разработчиков идеи, цеха производства аксессуаров к оружию, само оружие: десятки, если не сотни пистолетов, автоматов, штурмовых винтовок, механическое, газобаллонное, несколько видов снаряжения, магазинов, различного калибра шариков, гранаты, дымовые шашки, холодное оружие. Все абсолютно реально, неотличимо от настоящего.

Я, в прошлом кадровый офицер, был поражен этой индустрией. Конечно, я знал о пейнтболе, что-то слышал и о страйкболе, но открывшаяся картина меня потрясла: бесконечная вереница элементов снаряжения, все виды защиты, разгрузки, камуфляж, рации...

Затем картинка сменилась географической картой. На шести экранах засветились шесть частей света: Европа,

Азия, Америка, Африка, Австралия и Антарктида. Указка Харварда летала по просторам земного шара, останавливаясь на красных, зеленых и белых флажках. Красных было с пару десятков, зеленых – около сотни, белыми были усыпаны все части света, включая Антарктиду. Красные флажки – это базы, на которых есть постоянный контингент и на которых хотя бы раз происходили бои, зеленый цвет означает, что идут переговоры с местными властями об аренде и производится предварительная маркетинговая подготовка, белые флажки обозначают планы «Сатисфакции» в долгосрочной перспективе.

Еще некоторое время Харвард описывал особенности районов базирования, преимущества и сложности, связанные с местными условиями, юридическими, финансовыми и политическими препятствиями. Закончили смеркающим вечером, оставив на завтра вопросы, связанные непосредственно с моим участием в игре.

Глава 5

Улица встретила прохладной гарью, шумом двигателей, гудками, музыкой, «огнями большого города». Я стоял задрав голову, вдыхая весь этот коктейль запахов, звуков, слепящих фар, и думал: «Со мной ли это происходит, как я попал в это?!». Не находя подходящего объяснения, я вглядывался в окружающее бурление жизни, будто искал ответ в проносящихся мимо сверкающих автомобилях, в какофонии звуков, в звездном мерцании.

Из этого умственного оцепенения меня вывел хлопок по плечу. Лукас сообщил, что так же, как я, остановился в «Doral» и, если я не против, хотел бы пригласить меня на ужин. Я был рад провести вечер в его компании. Остаться в одиночестве, будучи переполненным таким количеством впечатлений, не хотелось. На его «Есть пожелания – куда?» я вспомнил, что я русский, – и предложил «Русский самовар». Несколько вульгарно, но кухня превосходная.

Столик в самом углу длинного зала, к счастью, нашелся. Заказали селедочку под водочку, лобстеров и пельмени. Сочетание, прямо скажем... Но ведь и денек выдался непростой!

У Лукаса дом в Бостоне. Приехал он специально ради русского гостя, но – польстил мне, – «практически не пригодился». Он был из тех йельских ребят, что все это замутили, и

под водочку и селедочку зазвучал его рассказ о тех днях, когда все начиналось.

После того, как им удалось создать костюм и химию шаров, встал вопрос финансирования. До этого момента тратили свои сбережения, некоторые подрабатывали, но в основном – то, что присылали родители. Дальше – инфраструктура и все, что с этим сложным словом связано. Среди них был русский парень Яша Бордовский. Лукас улыбнулся: да, такой же русский, как и ты. Так вот, отец Яши в России – большой бизнесмен: заводы на Дальнем Востоке по переработке леса, Сибирский инвестиционный банк, много чего белого, серого, черного. В общем, Яша попросил у папы денег, рассказав ему всю эту историю. Папа отнесся с пониманием и пообещал дать миллион долларов, но при одном условии. У него во Франции был знакомый польский еврей, богатый человек, и папа сказал, что, мол, если его знакомого эта тема заинтересует, то и он денег даст, и другие дадут. Я, говорит, неслабый парень, но Феликс – так польского приятеля звали – жутко крутой мужик, круче не бывает.

И Яша поведал историю этого Феликса.

Глава 6

Мальчишкой Феликс попал в концлагерь – и не в какой-то там третьесортный, а в самый главный, во всяком случае, во один из жутчайших – в Бухенвальд. Выжил, что уже о многом говорит.

После того как американцы освободили узников, он оказался в Мюнхене и в 1946 году встретил на улице полковника СС, который занимал высокий пост в администрации Бухенвальда. Феликс пошел за ним и увидел, как тот входит в офис мюнхенского отделения «Lufthansa». Позднее ему удалось выяснить, что эсэсовец является начальником отдела снабжения компании. Через несколько дней он взял парабеллум, с которым не расставался с той секунды, как отобрал его во время восстания в Бухенвальде в апреле 45-го у одного из офицеров лагеря, и направился в офис «Lufthansa». Никем не остановленный, он вошел в кабинет полковника, сел перед ним на стул и положил перед собой парабеллум.

– Ты узнаёшь меня? – спросил он ошарашенного эсэсовца, и тот, как загипнотизированный, ответил, что узнаёт. Тогда Феликс сказал: – Первое, что я хочу сделать, – это выстрелить тебе в лоб. Второе, что бы я сделал, так это сдал бы тебя в полицию. Но мы сделаем вот что.

И это «вот что» вылилось в пятнадцать лет инвойсов, за коими не было ничего, кроме бумаги с напечатанными

на ней перечнями материальных ценностей в виде топлива, запчастей, механизмов и продовольствия. Пятнадцать лет «Lufthansa» платила за эти бумажки и выплатила полтора миллиарда долларов. Через пятнадцать лет полковника разоблачили и он застрелился, а Феликс бежал в Южную Америку. Его поймали и посадили в тюрьму.

Он вышел через год, заплатив двадцать миллионов. «Жалкие остатки» вложил в бизнес с недвижимостью и стал мультимиллиардером еще в те сказочные времена, когда шампанское пили из женских туфель, а в кубинских отелях этим же шампанским наполняли ванны. В настоящее время Феликс несколько месяцев в году проводит на Французской Ривьере, является почетным консулом одного из небольших государств Карибского бассейна и имеет там большое поместье. На Ривьере у него вилла в Кап д'Антиб.

Глава 7

– В общем, – продолжил Лукас, – туда мы и отправились. Когда Яша назвал имя своего отца, в переговорном устройстве раздалось *Welcome dear guests*, тяжелые чугунные створки резных ворот медленно раскрылись, открывая вид на широкую аллею, по которой нам навстречу катил белый электромобиль – таким пользуются на полях для гольфа. Приблизившись к нам, этот механизм разделился на то, что осталось стоять, и на то, что катилось к нам в объятия. «Крутой мужик» был ростом метр шестьдесят и приблизительно таким же в ширину. Короткие шорты обнажали розовые ножки, такого же цвета была и лысина, покрытая кучерявым пухом. Лицо подкатившегося к нам шара расплылось в улыбке радушного хозяина. Но глаза!.. Чего вообще стоит вся наша плоть без глаз – все в глазах, все и обо всем. Яша позднее сказал: «Вот видишь такого и чувствуешь: это веселый противник. Такой противник, который убьет, но перед смертью ты не изменишь о нем мнение – он веселый парень».

Итак, – продолжил Лукас, разламывая здоровенного лобстера, – с этим веселым человеком нам нужно было говорить о серьезных вещах. Для нас, разумеется, серьезных, а для него...

Он начал с того, что показывал нам владения, которые нужно было объезжать, а не обходить: пять гектаров сада,

наполненного ароматом семи тысяч растений со всего света, за которыми ухаживали пять садовников. Саму виллу и бассейн – если лежишь в нем, водная поверхность будто сливается с морем.

И затем обед. Феликс слушал наш рассказ, разливая вино и раскладывая на наши тарелки половинки вкуснейших оранжевых мини-дынек – обязательный атрибут средиземноморского обеденного старта. Дослушав до конца, он принялся объяснять, что за белая рыба была подана к столу и что за потрясающий майонез эксклюзивно готовит его личный повар. И белое нежное мясо рыбы, и желтый, как топленое молоко, майонез, вкусны были невероятно, и мы изо всех сил и вполне искренне хвалили эту потрясающую трапезу, а Феликс довольно сопел и, посмеиваясь, все подкладывал, не вспоминая о нашем разговоре, как будто его и не было. Кофе Феликс, отослав обслуживающий персонал, разливал в изящный старинный фарфор сам, вполглаза наблюдая за нашими впечатлениями от напитка, который был, как и все предыдущее угощение, совершенно замечательным. Он подцепил пластинку белой рыбы с неубранной тарелки и, смазав ее майонезом, отправил в рот. Не успев дожевать, произнес не вполне членораздельным шамкающим языком, что он купит наши акции.

Чашки одновременно звякнули о блюдца, и мы в два голоса удивленно сообщили о том, что у нас нет никаких акций. – Будут, – твердо заявил Феликс, успев справиться с май-

онезной рыбой.

Перед нами действительно сидел крутой парень. Губы плотно сжаты, и взгляд тот самый, от которого ежишься.

– Мой юрист подготовит контракт. Первая серия акций, которую вы предоставите рынку, будет принадлежать ему в эквиваленте суммы, указанной в чеке. Чек вы получите через несколько дней, – подытожил Феликс.

Провожал нас прежний радушный хозяин:

– ...и привет папе, и сами не забывайте старика, – говорил на прощание веселый, добродушный, круглый замечательный Феликс.

Если бы он хоть намекнул, о какой сумме идет речь... Но все закончилось «бай-баем».

Перед тем как перейти к десерту, мы вышли на улицу перекурить. Лукас с этой вредной привычкой завязал, но за компанию вытянул из моей пачки сигарету и с явным удовольствием затянулся. Кофе и чизкейк выполнили задачу продления нашего ужина для завершения его рассказа об этом этапе становления «Сатисфакции».

– После возвращения в Нью-Хейвен мы плотно занялись доведением до ума нашего ноу-хау. «*Hereticle*» была готова поставить на поток шары и костюмы. Задерживали две вещи: окончательное утверждение патента и финансирование.

В лабораториях Йеля мы доводили химическую субстанцию до оптимальных параметров, разделив задачу на три ча-

сти: реакция при попадании в костюм, реакция при попадании в бронежилет и возможность удовлетворить индивидуальное желание отдельных персон, которые хотели бы стреляться, как в доцивилизационные времена на персональной дуэли, соблюдая все атрибуты – дуэльные пистолеты, барьеры, секунданты, белые рубахи. И шар должен был нести такой заряд, который вызывал бы более серьезный болевой шок. Эта идея возникла после социологического опроса, проведенного нашими гуманитариями в студенческой среде. Опрос вызвал массу дискуссий среди студенческого братства. Вначале все воспринималось, как розыгрыш и шутка, но впоследствии эта тема всех завела. Студенты Йеля в основной своей массе обладали достаточным воображением, чтобы представить, во что может вылиться эта на первый взгляд фантастическая идея, и отношение к опроснику, с которым к ним приходили, стало заинтересованно-серьезным.

О нашем визите к Феликсу мы подробно доложили сообществу. Все гадали, о какой сумме может идти речь. Двоим из ребят богатенькие родители перевели на наш счет в «JPMorgan» по сто тысяч долларов, и мы смогли ускорить некоторые процедуры, связанные с юридическими вопросами клуба, привести в удобоваримый вид склады, превратив их в офис и испытательный центр. Но масштаб задач требовал постоянных вложений, и порой мы испытывали неуверенность в том, что осуществление этой нашей идеи вообще возможно. Рассуждая о том, каким может оказаться чек,

обещанный этим необычным человеком с фантастической судьбой, сошлись на цифре триста тысяч, исходя из той логики, что если отец Яши, человек не чужой и широкий, готов пожертвовать аж миллион, с которым мы не то что бы горы свернем, но продвинемся значительно, то Феликс не перешагнет планку в треть этой суммы. Но чтобы сильно не разочаровываться, мы договорились, что будем рады и сотне «зеленых».

На шестой день после нашего возвращения Яше позвонил адвокат Феликса и сообщил, что он хотел бы посетить офис клуба «Сатисфакция» по просьбе господина Феликса Залмановича для заключения контракта он будет у нас завтра в 2 часа дня. Президент клуба, высокий белокурый парень, этакий красношей американец Дэвид Гофф, подошел к Яше и сказал:

«Яша, красавец ты наш, ты умнейший и благороднейший спаситель мира, Яша Бордовский! Сделай милость, встань на колени и обратись к Господу своему, великому еврейскому Богу, и попроси его о такой малости: чтобы тот, кто зовется Феликсом Залмановичем, прислал нам для того, чтобы мы, Господи, мир, созданный Тобой, сделали еще лучше, – не менее трехсот тысяч благословенных зеленых купюр. Мы, все здесь присутствующие, даже готовы ради этого стать на некоторое время евреями!»

На следующий день все двенадцать человек – основатели, учредители и члены правления «Сатисфакции», не нахо-

дили себе места в ожидании феликса посланника. Ровно в два господин, представившийся Аланом Болдуином, раскрыл портфель крокодиловой кожи и извлек папку с контрактом. В нем многостранично излагались условия, согласно которым акции будущего акционерного общества, каким должен был стать сегодняшней клуб «Сатисфакция», переходили в собственность одной из инвестиционных компаний, принадлежащих господину Феликсу Залмановичу, в соответствии с той суммой, которая предоставлена господином Залмановичем клубу «Сатисфакция» в виде предварительного взноса.

Страницы контракта переходили от одного члена правления к другому и в конце концов оседали у студента юридического факультета Дани Колмановски. В графе «подписи» стояли фамилии председателя клуба, секретаря и – отдельным параграфом – подпись Яши Бордовского. К условиям этого документа все были готовы после нашего рассказа о поездке к Феликсу. Оставалось только увидеть сумму чека, который лежал в белом конверте перед Аланом Болдуином. Мистер Болдуин встал из-за стола и передал просьбу своего патрона вскрыть конверт только после его ухода, добавив, что он вернется следующим утром в 10:00. С тем и раскланялся.

Дэвид придвинул к себе конверт и обвел взглядом притихших соратников. Ник, самый молодой из них, прошипел: «Клянусь, там не триста, там все пятьсот!» – и все тут же на

него зашикали.

Дэвид решительным жестом оторвал цветную полоску на белом клапане и извлек чек. Все с удивлением наблюдали за тем, как с его щек сошел румянец. Он кашлянул и осипшим голосом прочитал: «Тридцать миллионов долларов».

Над столом повисла апокалиптическая тишина, и только Яша прошептал помертвевшими губами: «Аллилуйя».

Утром следующего дня контракт в трех экземплярах был подписан. Два из них улеглись на прежнее место в крокодиловые объятия портфеля, третий остался на столе.

Глава 8

Следующий мой день начался с подписания присяги, листы с текстом которой положил передо мной Джейсон Уильямс после нескольких фраз о том, как прошел вечер, как спалось и как здоровье – в общем, *how are you*. Текст был понятен. Я обязуюсь неукоснительно исполнять решение судейской коллегии по результатам боестолкновения, не пытаюсь его оспорить или обращаться в какие бы то ни было инстанции, и выполнять те требования, которые предусмотрены в контракте, подписанном обеими сторонами конфликта. Гарантией обязательного исполнения этого решения является документ, в котором я признаю приобретение мной партии очков от компании мистера Ли, с моей подписью, заверенной присяжным адвокатом. Этот документ будет находиться в сейфе судейской коллегии с аналогичным документом мистера Ли, в котором тот отказывается от претензий на означенную сумму и признает собственную вину за невыполнение условий поставки.

Я с тяжелым сердцем подписал свой приговор. Не то чтобы я совсем не рассчитывал на благоприятный исход, но пока что я вообще не представлял, в каком виде происходит это действие. Когда попадаешь в полосу невезения, все происходящее оцениваешь взглядом из этой полосы, которой не видно конца.

Затем к нам присоединился Харвард и в течение часа проинформировал меня об основных правилах и условиях игры.

Итак, количество бойцов определяет тот, кто вызывает на дуэль. Мистер Ли назвал цифру шесть плюс один. Один – это сам мистер Ли. По уставу клуба, человек, вызывающий на дуэль, вправе нанимать легионеров и либо не участвовать в схватке, либо участвовать ограниченно, либо быть полноценным участником боя. Шесть плюс один означает, что мистер Ли в полной мере готов мочить меня и тех, о ком я пока не имею ни малейшего представления. Почему-то мне казалось, что у «Сатисфакции» это все – люди и место – уже подготовлено, а я, как в тотализаторе, только выберу команду.

Теперь о месте. Место выбирает тот, кого вызывают на схватку. В течение ближайших трех лет этим местом может быть любая пригодная по нормативам обычной игры в страйкбол территория. В будущем планируется разрешать бои только на площадках, принадлежащих «Сатисфакции». На сегодняшний день новые места для дуэлей поощряются. Так, дороги предпочтительно проводить там, где бездорожье пересекают тропинки, облюбованные местным населением.

И, наконец, об оружии. Бойцы могут использовать любое оружие и в любом количестве трех обозначенных в контракте фирм. Есть полное право выбирать любую из них. Существует опция проката, но она ограничена лишь несколькими наименованиями. Все остальное снаряжение и, разумеется, специальные костюмы и боеприпасы можно приобретать

только у фирмы «*Hereticle*».

«Сатисфакция» обеспечивает схватку судейской коллегией, двумя беспилотниками с операторами, электронным оборудованием и прочим обслуживающим персоналом. Все дополнительные затраты, перелеты, отели, питание, оплату труда берет на себя проигравшая сторона. В случае, если мне не удастся собрать собственную группу бойцов, у них есть список – сотни легионеров, готовых за три тысячи долларов участвовать в бою в любом месте и в любое время.

Я почувствовал, как мои волосы зашевелились и устремились туда, где над нашими головами у высокого потолка светились люстры. Харвард сочувственно посмотрел на меня и добавил:

– Да, на сегодняшний день эта игра для людей состоятельных, но будут и другие уставы – для иных слоев населения нашего голубого шарика.

Игривый тон серьезного парня – сегодня он вновь был в строгом черном – меня удивил. Тем загадочнее прозвучала его фраза о том, что я вряд ли пожалею о затратах, ведь впереди столько интересного. На этом он как-то быстро засобирился и распрощался, назначив на завтра окончательную встречу, на которой хотел бы услышать мое решение о месте проведения боя.

В дверях он столкнулся с Лукасом. Тот направлялся ко мне с предложением перекусить и показать нечто, что меня наверняка заинтересует.

Этажом ниже находилось принадлежащее клубу помещение метров в триста, представляющее собой классический ресторан пятизвездочного отеля. Время ланча еще не наступило, и посетителей почти не было, но в никелированных стеклянных и фаянсовых закромах уже дымилось и пахло все то, что вызывает у животных, каковыми, собственно, мы и являемся, слюноотделение. Не миновал этот рефлекс и меня, несмотря на только что перенесенный стресс от Харвардова рассказа о дополнительных расходах. Но Лукас, ухватив меня под локоть, провел мимо вереницы блюд и кланяющихся официантов к дальнему столу, за которым сидели шесть человек.

– Это команда мистера Ли, – тихим голосом сообщил Лукас. – У них была встреча в Атланте, которую они успешно завершили, и мистер Ли в качестве поощрения позволил своим бойцам провести несколько дней в Нью-Йорке и заодно познакомить их с управлением компании.

Мы подошли ближе. Лукас представил меня. Китайцы тут же вышли из-за стола и построились в шеренгу. Шесть киношных образчиков здорового образа жизни. Все приблизительно одного роста – метр восемьдесят, тренированные тела атлетов, короткие рукава рубашек натянуты на впечатляющих бицепсах. Вежливый поклон, дружественный взгляд, улыбки. Лукас перевел несколько взаимных приветствий.

Мы присели за их стол. Официант что-то принес, я это что – то съел. Чертово слюноотделение куда-то испарилось.

Скомканно распрощался, посетовав на занятость. Китайцам поклон, Лукасу рукопожатие и благодарность за «приятное» знакомство с противником.

Глава 9

Выйдя на улицу, я побрел по Парк-авеню, свернул на 24-ю, пересек Мэдисон-сквер, Пятую авеню, и так шел зигзагами на северо-запад часа два, пытаясь разобраться в собственных чувствах.

Когда человек попадает под дождь в чистом поле, он вначале инстинктивно пытается всеми силами не промокнуть до конца. Он бежит, он ежится и изгибается всем телом, пытаясь увернуться от хлещущих струй. А когда на нем вовсе не остается сухого места, ему становится все равно, и он бредет по лужам, равнодушный и спокойный. Дергаться и извиваться бессмысленно. Нечто подобное происходило со мной в эти минуты на улицах Нью-Йорка – главного города Земли.

На углу 48-й и 11-й двое черных парней рылись в мусорном баке. Я остановился, наблюдая за этой живописной парочкой. Мне почему-то стало интересно, что такого ценного могут люди извлекать из мусора, чтобы это позволяло им существовать в мегаполисе.

Один из парней в картонной ковбойской шляпе повернулся ко мне и спросил, какого хрена мне тут надо и не желаю ли я проверить, что крепче – моя голова или бутылка, которую он только что извлек из мусорного «клондайка». Я оценил высокий стиль ковбоя и мрачную физиономию его напарника и вдруг рассмеялся. Афроамериканцы неожиданно меня

поддержали. Видно, уловили тонким чутьем обитателей пристанищ под открытым небом потенциального коллегу.

На обратном пути к отелю я перебирал в памяти всех своих друзей и знакомых, способных стать участниками войны за мое выживание в мире капиталистического беспредела. Мои соратники по карате, которым я занимался много лет, заслужив красный пояс – правда, немало лет прошло с тех пор, как я этот пояс развязал – превратились в толстоватых и лысоватых отцов семейств. Представить их рядом с этим китайским произведением бойцовского искусства было невозможно. Среди молодого поколения продолжателей моей школы «джит кун-до» я не знал никого. Да и специалисты все-таки нужны были из числа тех, кто знаком с пейнтболом или страйкболом.

На ум не приходило ничего, ни одной зацепки. И теперь второй вопрос: где? На карте, которую мне демонстрировал Харвард, в Прибалтике и России я не видел ни одного красного флажка. Пейнтбольные команды в Латвии, конечно, есть, появился и страйкбол, и, видимо, территории тоже обозначены, но когда я смогу все это выяснить? Что за разговор может состояться завтра? Скажу Харварду, пусть сама контора решает «где», а бойцов я наберу из легионеров.

Глава 10

Ужин я заказал себе в номер. Лукас уже покинул Нью-Йорк, улетел к себе в Бостон.

Посмотрел теннис по телевизору, думать ни о чем серьезном не хотелось. Поразмышлял над тем, принять снотворное или не стоит. Решил: не стоит. Последний год привел меня к этим таблеткам. Обстановка с бизнесом и все, что происходило вокруг нашей тихой Латвии, выбило из колеи не меня одного – миллионы! И, думаю, аптечные короли неплохо поднялись на наших бедах.

Пробежался по новостям в Интернете и около часа ночи лег в постель. Сна ни в одном глазу. Взялся читать на айфоне какой-то детектив. К двум часам понял, что не заснуть. Набрал по скайпу Илью, благо в Израиле уже десятый час. Он ответил из машины по дороге в свой офис. Чтобы не заражать его своим поганым настроением, изобразил юмор в виде предложения сыграть со мной против жалких китайских недоносков в игру под названием «страйкбол», предварив коротким пересказом сегодняшнего Харвардова инструктажа. Пропустив мою неудачную попытку пошутить, Илья сообщил, что брат его жены Аллы, Алеша, давно в это играет и мне следовало бы с ним поговорить.

– Его телефон я тебе скидываю и надеюсь, ты помнишь, кто он и чем, кроме страйкбола, занимается. А теперь, – го-

ворит Илюша, – я припарковался и мне пора заняться серьезными вещами. Целую, пока!

Экран светился на столе, экран светился... Вот такой парень Илюха – программист, очень крутой программист, а у таких программистов голова устроена в виде ячеек памяти, и на обычный вопрос нормального человека: «Где взять до завтра команду бойцов страйкбола, которая набьет морду великому Китаю?», я получаю из такой ячейки простой ответ: «Позвони Алеше».

Да, я знаю, кто такой Алеша. Типичный блондинистый еврей; при встрече «американского» и «русского» его признали бы «шведским». Замечательный парень Алеша. Сколько ему? Где-то 25–27. Что еще я знаю о нем? Ах да! То, что он крутейший спецназовец, снайпер из подразделения, специализирующегося по городскому бою и операциям в застройке. Израильский спецназовец, прошедший и Ливан, и Газу, и черт знает что еще. Никак не могло мне в голову прийти, что такой человек играет в эти игры.

Я открыл мини-бар, налил в бокал из трех микроскопических бутылочек чего там было – в общем, русский «ерш». Выпил залпом и набрал Алешу.

- Поиграть?
- С радостью.
- Еще пятерых найдешь?
- Да хоть десятерых.
- Когда и на сколько?

– Это сложнее: проблема занятости, все армейские.

– Отпуск возможен?

– Это вопрос. Но порешаем. Как с финансами? Отель, паек?

– Три тысячи каждому.

– Три тысячи чего?

– Долларов, разумеется.

– А если проиграем?

– Это когда проиграем, а если выиграем, еще столько же.

– Ну, тогда считай порешали, мы в деле.

– Момент, Алеша, пауза. – В мини-баре нашлось еще на один «ерш». – Второй вопрос: где?

– А это не вопрос. Наше место всегда за нами забронировано.

Нет, ну бывает же такое в жизни – все как по щучьему велению!

– Скажи мне, Леша, как русский человек русскому человеку: бывает так?

Леха рассмеялся и пожелал мне спокойной ночи.

Глава 11

В Бен-Гурионе меня встретили Илья и Алексей. По дороге домой мы заехали в ресторан на пляже в Ришоне. За ужином договорились, что завтра к двенадцати часам поедем знакомиться с ребятами, составим график тренировок, посмотрим снаряжение и доведем до всеобщего сведения клубные правила игры.

День выдался щадящий. Умеренная жара и ветер позволяли находиться на улице без желания немедленно спрятаться в прохладе автомобильного, квартирному или офисного кондиционера.

Времени до часа икс у нас было ровно две недели, и Алексей считал, что этого вполне достаточно для подготовки. Я, правда, должен был на несколько дней вернуться в Ригу. Впрочем, мое участие в приготовлениях к игре было весьма ограниченным и не требовало постоянного присутствия.

На подъезде к полигону мы оставили нашу «Субару» на стоянке: дальше начинались настоящие песчаные барханы, и метров двести до базы мы прошли пешком. Алеша по дороге рассказывал о том, какое классное оружие они получили накануне, и вскользь про ребят – заметил только, что народ надежный и проверенный. Мне и так было это понятно: бойцы из израильского спецназа – что может быть круче?

Тренировочный полигон Цахала «Пальмахим» в приморской части пустыря между Ришоном и Ашдодом, в прошлом полигон для стрельб вертолетного полка, в настоящее время служил для подготовки спецназа и представлял собой 12–15 гектаров холмистой, заросшей кустарником, пересеченной траншеями и воронками местности. С южной стороны находилось два бетонных строения. То, что называлось базой, являло собой помещение с раздевалками, туалетом и небольшой кухней: холодильник, двухкомфорочная плита и чайник. В углу под потолком – панель телевизора. Второе помещение, служившее для отсидки «убитых» в бою, с легкой руки местного черного юмориста называли «гробом». Такие же точно бетонные коробки находились на противоположной стороне полигона. Команды по жребию занимали выпавшую им сторону. В центре пустыря находилось еще несколько построек, имитирующих жилой район, в котором спецназ отработывал приемы боя.

Обшарпанные стены базы, дверь со щелью по всей длине. Все правильно: именно так сурово должны выглядеть жилища крутых вооруженных мужчин. Мы переступили порог этого приюта доблести и силы. Двое бойцов уставились в свои смартфоны, едва кивнув на мое «шалом!», один, закинув ноги на стол, смотрел какую-то развлекаловку по теле-

визору, еще двое жевали подсохшую и, видимо, холодную пищу. Небритые и сонные типы, худые удлинённые лица. Черные и серые застиранные майки, короткие штаны, рваные мятые джинсы, стоптанные шлепки на босых ногах. Где горы мышц, бицепсов, трицепсов, дельт и прочих кубиков? Что они смогут против «питомцев Шаолиня»?

Мое лицо, видимо, тоже вытянулось. Для компенсации неприкрытого разочарования я растянул губы в улыбке, приветствуя народ уже по-английски. Алеша заметил мое замешательство и, похлопав по плечу, уверил в том, что все нормально, подготовимся, всех завалим.

Я вышел наружу, встал под стену, дающую тень, закурил голубой «Кент» и посмотрел на голубое израильское небо сквозь сигаретный дым. Почудилось, как цепочкой, одна за другой, пролетели по этой синеве двадцать пять плотных, перетянутых банковской лентой пачек стодолларовых купюр.

Алексей вышел с биноклем, дал мне посмотреть. В окулярах я увидел, как на своей стороне полигона суетились китайцы, что-то замеряли, совещались, перемещались с бешеной скоростью, в общем – готовились. Я вопросительно посмотрел на Алешу: он, пожалуй, один из всех выглядел действительно бойцом спецназа. Но остальные? На что мы рассчитываем? Леха снова меня успокоил, правда, мне показалось, что на этот раз он произносил свои успокоительные формулировки не столь убежденно.

Наконец наши «шмоки», как я их немедленно окрестил,

выползли из убежища. У одного из них в руках был легкий беспилотник и он тут же его запустил. Вся пятерка сгрудилась у дисплея и о чем-то зашпорилила или просто заговорила, перебивая друг друга. На наш слух израильтяне, даже если они просто говорят, звучат, будто спорят. Иврита я не знал, да и в израильтянах и их происхождении в этом плавильном котле выходцев со всего света не разбирался. Позднее Алексей представил каждого. Оказалось, что один из них из Марокко, приехал ребенком, один – местный друг, и трое – сабры. Алеша с Украины. Вот такая компания.

«Ну, что ж, – подумал я, – других все равно не найти». Деньги потрачены, будем надеяться на лучшее. Ну а проиграем, то не кому-нибудь, а великому Китаю, чтоб он был здоров!

Что-то в голове щелкнуло, и мне стало уже все равно. Но тем не менее, я постарался сгладить свое явное разочарование. В конце концов, это мои проблемы, а они все-таки согласились за небольшую плату в свой отпуск притащиться в эту жару – что-то делать, бегать, прыгать. В общем, я принял добродушно-приятельский вид, с каждым поздоровался за руку, правда, имен не то что не запомнил, а и не понял толком.

Моя роль в последующем смертоубийстве по плану сводилась к охране базы. Особой тренировки это не требовало, поэтому я извинился и пообещал за пару дней до дуэли приехать, привыкнуть к камуфляжу, оружию и всей амуни-

ции. Мне действительно нужно было лететь обратно. Дела и так были неважными, а в свете представившейся мне картины этого чудосочного войска нужно было разработать план «Б» – сокращение и уменьшение.

Глава 12

Рига встретила меня прохладой прибалтийского взморья, горячим языком Катькиной любви и вопросительным взглядом жены. Вот уж действительно, как в старом анекдоте: если хочешь узнать, кто тебя больше любит, закрой в багажнике своего автомобиля жену и собаку и открой через два часа. Впрочем, Ирина компенсировала свою природную сдержанность невероятно вкусными пельменями, заботливо приготовленными к моему приезду. Сто грамм и огурчик под эти пельмени выстроили мою нью-йоркско-израильскую эпопею в сравнительно стройный рассказ, в финале которого я сделал вывод о том, что наше материальное благополучие находится на грани. Ирино резюме свелось к тому, что она подложила мне еще пельменей.

Несколько дней, проведенных в офисе, не добавили оптимизма. Война на Украине разрушила судьбы миллионов людей. Происходящее с трудом укладывалось в голову, но это была мрачная реальность, которую нужно было принимать во всей ее многообразной полноте. Рухнул бизнес на Украине, снизились обороты в России и Белоруссии, отягощенные резким удешевлением валюты. Не лучше обстояли дела и в Прибалтике. Встречая знакомых, парировал их «как дела?» коротким «следующий вопрос», в ответ те качали головами и признавались, что у них «то же самое». Не оставляло ощу-

щение того, что мы попали в период предвоенного времени и территориально находимся в прифронтной зоне.

Да, и стрелять тут станут не шариками. Впрочем, верить в такое развитие событий не хотелось, а идея «Сатисфакции», напротив, высветилась новой гранью. Наша цивилизация либо начнет решать проблемы чем-то вроде этих шаров, либо сгорит в адском пламени своего безумия. Вся ее история – это история бесконечного убийства Авеля Каином. Все ее развитие сопровождалось технологическим улучшением возможностей убивать и созданием новых видов оружия. Сегодня цивилизация может гордиться: она достигла вершин и способна, наконец, уничтожить саму себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.